

УДЕЛЬНО-ВОТЧИННАЯ СИСТЕМА И ТРАДИЦИЯ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ И СОБСТВЕННОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ

Оценка характера удельно-вотчинной системы так или иначе определяла в отечественной историографии существо концепций исторического развития средневековой России. Однако, как это ни парадоксально, специальных работ, посвященных истории самой системы на всем протяжении ее существования, нет, если не считать статей, содержащих анализ частных вопросов¹. Попробуем осветить круг тех проблем, который был затронут историками в связи с изучением истории уделов, а также выявить особенности историографического понимания самого этого явления.

В. О. Ключевский едва ли не первый дал полное объяснение тому, что собой представлял «удельный порядок». По его словам, «удельный порядок зародился в тот момент, когда княжеская волость усвоила себе юридический характер частной вотчины привилегированного землевладельца»². Итак, *удел — это привилегированное владение (вотчина)*. Н. П. Павлов-Сильванский развил мысли В. О. Ключевского для обоснования концепции российского феодализма. Вопрос о сути уделов стал для ученого основополагающим при конструировании русской модели феодальных отношений. Он писал о работах В. О. Ключевского: «Истинно феодальная черта крайнего раздробления суверенной власти вырисовывается в рельефно им изображенном дроблении Северо-Восточной Руси на множество уделов». Полагая, что «в удельном нашем порядке не надо было искать феодализма, чтобы его найти», Н. П. Павлов-Сильванский заключал: «Выдвигая на первый план лежавший в основе западноевропейского сеньориального режима факт соединения правительственной власти с крупным землевладением, мы имеем полное право подвести под понятие такого режима и мелкий княжеский удел, рассмотренный проф. Ключевским». Разумеется, Н. П. Павлов-Сильванский не оставил без внимания и такое признание ученого: «Феодальный момент можно заметить разве только что в юридическом значении самого удельного князя, соединявшего в своем лице государя и верховного собственника земли». Суть сюзеренно-вассальных связей в Западной Европе и в России одинакова, полагал Н. П. Павлов-Сильванский: «Мы найдем, что отношения наших бояр к князю не только по существу были одинаковыми с отношениями вассалов к сюзеренам, но и обозначались одним термином: служить (*servire*), служба (*servitium*), слуга (*vassus*); что земля, данная „слуге“, у нас называлась жалованьем, т. е. словом, тождественным по смыслу с западным „*beneficium*“; наконец, что свободный договор боярской службы закреплялся у нас обрядом челобитья, точно соответствующим вассальному коленопреклонению и вручению...»³.

Стало традицией рассматривать политическую историю России XV—XVI вв. в связи с проблемой уделов. «Политика Ивана Грозного относительно уделов, — писал С. Б. Веселовский, — была порождением политики в этом деле деда и отца. Уделы, утратившие в XV в. характер государственных образований и всякое политическое значение, в XVI в. становятся привилегированными владениями, которые с течением времени утрачивают свои привилегии. С этой точки зрения отмирание удельных порядков в XVI в. можно рассматривать как часть более

* Юрганов Андрей Львович, кандидат исторических наук, доцент Республиканского института повышения квалификации работников образования.

общего и более важного процесса — развития центральных и местных органов власти»⁴. Утверждая, что удел «был долей члена рода в родовом имуществе», ученый не уточнял, что понимается под словом «род» (одна семья или несколько семей). Главным признаком «удела» историк считал его размер и степень зависимости от центральной власти: «Дмитрию (Угличскому. — А. Ю.) был дан всего один город и управление им было вверено не его матери-опекунке, а царским дьякам и приказным». Потому-то «последний удел московских Рюриковичей был по существу жалким подобием прежних действительных уделов»⁵. Удেলাми С. Б. Веселовский считал и владения служилых князей. Он писал: «В мае 1571 г. он (И. Д. Бельский. — А. Ю.) задохнулся со всей своей семьей в погребе, во время страшного пожара Москвы, вызванного набегом крымского хана Девлета. Таким образом Луховский удел как выморочный был присоединен к великому княжению»⁶. По отношению к чему владения И. Д. Бельского являлись уделом? Федор Иванович Бельский, приехавший на Русь в 1482 г. был потомком Ольгерда и не имел прямой родственной связи с Калитичами. Луховские владения его внука И. Д. Бельского могли быть уделом лишь по отношению к родовой собственности князей Бельских. Правда, С. Б. Веселовский отмечал, что по «своей жене, княгине Марфе Васильевне Шуйской, правнучке великого князя Ивана III, Иван Дмитриевич Бельский был в родстве с царем Иваном (по тогдашним счетам родства княгиня Марфа была племянницей Ивана Грозного)». Но подобная родственная связь не редкость в окружении государя. Может ли она служить достаточным основанием для наделения удельными правами? Ведь по логике вещей получается, что, давая высокородному служилому человеку (боярину) права на удельное владение, власть должна была его самого как бы «вводить» в великокняжескую семью. На деле же с конца XV в. любой боярин — лишь холоп государев и, по горькому замечанию И. С. Пересветова, «инога имени не прибудет». Осталось неясным, что же роднило сами уделы с «остатками» удельных порядков. Семантико-терминологическая путаница характерна для позднейших работ, посвященных политической борьбе в XV—XVI вв. А. А. Зимин определял удел несколько иначе, чем С. Б. Веселовский: это — «часть общерусских земель, завещанная великим князем своим потомкам (как правило, детям)». Однако А. А. Зимин, как и С. Б. Веселовский, не стал строго следовать определению, настаивая на том, что великокняжеская власть осознанно вела борьбу против удельной системы как таковой. Выходит, власть боролась сама с собой: ведь достаточно не завещать уделы — и нет системы. Глубоко и точно определяя разницу между удельным князем и служебным, А. А. Зимин тем не менее не отказался от традиционной интерпретации главного признака «удельности». Говоря о князьях стародубских, он писал: «Их владения по размерам и военно-политическому значению мало чем уступали уделам, да и формально они принадлежали к князьям московского дома»⁷.

Итак, исследователь сам вправе оценить степень привилегированности того или иного владения и затем решить — удел это или нет. Но при таком подходе трудно найти объективную почву для концептуальных споров. Наглядно это видно на примере дискуссии о направленности опричнины. Первым, кто обратил внимание на ее антиудельный характер, был С. М. Каштанов⁸. А. А. Зимин развил эту идею, придав ей законченный вид. «Основной смысл опричных преобразований сводился к завершающему удару, который был нанесен последним оплотам удельной раздробленности». Владимир Старицкий возглавлял антиправительственные силы, но опричнина была направлена не столько против лиц, сколько против порядков — существования удельной децентрализации⁹. Глубинная суть вопроса — в определении понятия «удел». Последним уделом А. А. Зимин назвал Старицкий. А почему не Угличский? Ученый вслед за С. Б. Веселовским разграничивал понятия: уделы-«форпосты» и уделы-«остатки». Р. Г. Скрынников возразил: «Почему из всех удельных князей только один Старицкий выступает как проводник удельной раздробленности и децентрализации в период опричнины?»¹⁰ По его мнению, «уделы составляли основу самого существования

аристократической Боярской думы, высшего органа в политической системе феодальной монархии XVI в.»¹¹ Р. Г. Скрынников тоже близок к С. Б. Веселовскому в понимании удела, но приходит по сравнению с А. А. Зиминим к другой оценке опричнины. Как и С. Б. Веселовский, он не различает уделы членов великокняжеской семьи и крупные земельные владения служилых князей. Р. Г. Скрынников и А. А. Зимин едины в понимании того, что критерием удела является его размер. Разница — в оценках, что считать большим, а что — малым. Например, «удел» М. И. Воротынского Р. Г. Скрынников называет «великими вотчинами». Спор о направленности опричнины в рамках такого общего подхода неразрешим в принципе. «Удельность» владения определяется исследователем «на глаз», сообразно его общим представлениям о ходе политической борьбы в XVI в.

Понимая ценность такого источника, как завещание Ивана Грозного, оба спорящих историка пытались «вписать» его в систему своих аргументов. Это понятно: следовало внести в концепцию важнейший недостающий компонент — саму эпоху и мировоззрение Ивана Грозного. А. А. Зимин, вполне удовлетворившись датировкой С. Б. Веселовского, так писал о настроениях царя: «В 1572 г., составляя свое завещание в обстановке надвигающегося похода Девлет-Гирея и грядущей отмены опричнины, царь щедро наделял уделами своих родичей и сподвижников (? — А. Ю.), как бы стремясь воскресить „старинные“ порядки. Но победа на Молодях временно стабилизировала положение на южных границах Руси, а отмена опричнины была осуществлена без резкого поворота к „удельной старине“. Поэтому завещание царя никогда не было реализовано, а борьба с удельной децентрализацией продолжалась»¹². Р. Г. Скрынников считал, что завещание составлялось в несколько приемов и осталось незавершенным. Этот в целом плодотворный подход не получил развития в силу заданности самой концепции опричнины: показать, что «в завещании 1564—1572 гг. руководители опричнины предстают перед нами как приверженцы удельной старины»¹³. Нетрудно заметить, что исследование завещания приводит историка к нужному ему выводу о борьбе царя не с порядками, а с лицами, их представлявшими.

Между тем изучение завещания царя позволяет прийти к выводу, что составлено оно было не раньше сентября 1577 г. и не позже сентября 1579 г., а скорее всего в марте 1579 г., когда царь заболел и публично назначил наследником своего сына Ивана Ивановича. Если бы Иван Грозный тогда умер, в стране существовала бы мощнейшая система уделов. Один только удел Федора Ивановича — это крупнейшие города и уезды: Ярославль, Суздаль, Кострома, Шуя, Волок Ламский¹⁴.

Итак, удельно-вотчинная система как таковая — вот предмет настоящего исследования. Кардинальные вопросы русской истории оказались так или иначе связанными с историей этой системы. Необходимо знать представления людей русского средневековья, чтобы не приписывать им чуждые взгляды. При этом научная оценка предполагает анализ стереотипов мышления, поведения, мировосприятия и т. д. Начнем же с рассмотрения удельно-вотчинной системы в традиции наследования власти и собственности. Обратимся вновь к завещанию Ивана Грозного.

* * *

Для традиции оформления великокняжеских духовных грамот ключевыми были слова: «*пожаловал*» и «*благословил*». Именно эта пара являла собой некую первичную модель отношений собственности, именно в ней отразилось право распоряжения.

В духовной Ивана Грозного слово «*жаловать*» упоминается с различными смысловыми оттенками. Жаловаться, негодовать по поводу чего-либо; роптать; проявлять жалость; горевать, скорбеть по кому-либо, оказывать внимание, проявлять «милость», благоволить; миловать, щадить, вознаграждать¹⁵, — вот по крайней мере основные его лексикографируемые значения.

Однако полисемантизм этого слова проявляется только в преамбуле заве-

пачания царя Ивана Грозного: «как людей держати, и жаловати, и от них беречися, и во всем их умети к себе присвоивати, и вы б тому навыкли же. А людей бы есте, которые вам прямо служат, жаловали и любили <...> и оне прямее служат». Нетрудно заметить, что слово «жаловать» семантически связано со словом «служить» (жалуют тех, кто служит).

Другой оттенок этого слова проявляется тогда, когда Иван Грозный, заботясь о мире в царской семье, призывает старшего сына к моральной ответственности перед младшим братом: «А ты бы, сын Иван, моего сына Федора, а своего брата молодшаго, держал, и берег, и любил, и жаловал его, и добра ему хотел во всем...» Царь указывал сыну Ивану, каким образом надо «жаловать»: «И ты бы его (Федора. —А. Ю.) берег, и любил, и жаловал, как себя. А хотя буде в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорыл»¹⁶.

Под «жалованием» старшего брата подразумевается забота и милость. Не случайно от Федора требуется быть во всем покорным брату, хотеть ему «добра», «государства» не подыскивая.

Любопытно, что в той части завещания, где царь делает распоряжения в отношении собственности, уже абсолютно различаются случаи, когда государь жалует, а когда благословляет. Анализ текста позволил выделить случаи употребления этих слов в распорядительной части завещания:

Благословение	Пожалование
1. Сын Иван Иванович	1. «Голдовник» Магнус
2. Сын Федор Иванович	2. Князь М. И. Воротынский
3. Царица Анна Григорьевна	3. Царевич Муртаза-али
	4. Князя Мстиславские
	5. Князя Глинские
	6. Княгиня Ульяна Палецкая
	7. Князя Трубецкие

Начнем с анализа группы лиц, которых царь «жаловал». Историко-биографическая информация о них необходима, во-первых, потому что упомянутые различия в распоряжениях завещания Ивана Грозного не бросаются в глаза, а, во-вторых, знания о землевладельческом статусе выделенной нами группы лиц помогут понять специфику функционирования отношений собственности на разных уровнях государственной структуры.

«Голдовник» Магнус, принц датский. «А что есми пожаловал голдовника своего, короля Арцымагнуса, в своей отчине в Лифлянской земле...»

Сближение датского принца Магнуса с царем Иваном IV происходит с конца 60-х гг. XVI в. Магнус согласился стать марионеткой Ивана IV, стремившегося создать в Ливонии вассальное королевство. 27 ноября 1569 г. Магнус был пожалован Ливонией и королевским титулом, а в мае 1570 г. прибыл в Москву и подписал договор с царем. Любопытно, как сам Иван Грозный объяснял эту сделку датскому королю в письме от 26 сентября 1570 г.: «Ваш брат был у нас и просил нас уступить ему нашу прародительскую землю Лифляндию с городами Ревелем, Ригою и другими, которые еще во власти Швеции и Польши. Мы Божией милостью царь и великий князь почтили вашего брата и сделали его королем Лифляндии, короновали его и обязали верно нам служить. Магнус поклялся нам в верности и подтвердил свою клятву крестным целованием; он обязался верно служить нам и детям нашим и детям детей наших против всех наших врагов; он поклялся, что будет иметь с нами одних друзей и недругов, за что мы и почтили его и даровали в наследственное владение Л и ф л я н д и ю <...> По

смерти Магнуса правителем Ливонии назначается один из датских принцев, который должен клятвенно присягнуть на верную службу нам и нашему потомству»¹⁷. Эти условия признал и Магнус, который при осаде Ревеля, обратившись к жителям города, писал им 23 сентября 1570 г.: «Вы в ваших письмах <...> нас не только оскорбляли и позорили, а за то, что приняли сторону державного царя и великого князя и признали его нашим сюзереном (здесь и далее разрядка моя — А Ю.) стали называть нас нехристианами»¹⁸.

М. И. Воротынский. Относительно стародубских и родовых владений князя М. И. Воротынского, умершего в 1573 г., находим в завещании четыре царских распоряжения. Фиксация этих разных моментов в истории совладельческих прав царя и князя М. И. Воротынского, как показано автором в предыдущей работе¹⁹, свидетельствует, что в каждом случае происходило дополнение завещательной основы.

Анализ землевладения стародубских князей²⁰ показывает, что территория Стародуба Ряполовского во второй половине XVI в. не была превращена в «кудел», о котором писал Р. Г. Скрынников²¹. Не только воевод и бояр не было в распоряжении служилого князя, но и весь состав землевладельцев стародубской княжеской корпорации находился в юрисдикции центральной власти.

Права М. И. Воротынского были чрезвычайно ограничены. Речь должна идти о таком типе совладения, при котором Иван Грозный обладал неограниченными возможностями вмешиваться в отношения собственности. Обратим внимание на словоупотребление в завещании самого князя М. И. Воротынского. О своем наследственном владении он писал: «...а за мною государева жалованье наша вотчинка от прародителей наших и деда и отца моего...». «Вотчинка» — уничижительная форма слова, ассоциативно напоминающая самоназвание холопа («Ивашка», «Федорец»). Тут — то же уничижение, но не личное, а в статусе владения, которое царь Иван забрал (потом — отдал), ибо оно есть прежде всего — «жалованье»²².

Царевич Муртаза-али. *«А что есмь пожаловал царевича Муртаза-лея, а во крещении Михаила, Кобулина сына Ахкибекова, городом Звенигородом...»*

Муртаза-али был сыном Абдуллы-Султана Ак-Кубека, который под именем «царевича Кайбулы» в мае 1552 г. прибыл в Москву и поступил на службу. На содержание ему был дан Юрьев Повольский со всеми доходами²³,

Владелец Звенигорода крещеный «царь казанский» Симеон Касаевич (женатый на дочери Андрея Михайловича Кутузова, которая тоже считалась «царицей») скончался 26 августа 1565 г.²⁴ По всей видимости, Звенигород был передан служилому астраханскому царевичу Муртазе-али с 1570 г.²⁵ Около 1570 г. Муртаза-али крестился, хотя на памятнике в честь отца, скончавшегося в феврале 1570 г., он еще назван Муртазой-али²⁶. В это же время он женился на дочери И. В. Шереметева.

В разрядах Михаил Кайбулович впервые упомянут под 7080 годом в походе «государя и великого князя в Великой Новгород и на свейские немцы»²⁷. В ливонском походе поздней осенью 1572 г. упоминаются Саинбулат Бекбулатович и «царевич» Михаил Кайбулович. Последнее его упоминание в разрядах относится к 1574/75 г.: «Того же лета послал государь царь и великий князь под Пернов царя Семиона Бекбулатовича да царевича Михаила Кайбуловича и бояр и воевод»²⁸. Когда умер Михаил Кайбулович — неизвестно. Путаницу в этот вопрос вносит известие о том, что в 1623 г. «государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всея России и отец ево, государев, великий государь святейший Филарет Никитич, патриарх Московский и всея России, указал женить царевича Махайла Канбулина, а дать за него Григорьеву дочь Ляпунова Марью»²⁹. В «отцово место» царь приказал поместить Ф. И. Шереметева. А. П. Барсуков считал, что в 1623 г. женился сын Михаила Кайбуловича. В самом деле,

упоминание Ф. И. Шереметева на «отцовом месте» — достаточное основание. Однако такое предположение едва ли верно. У Муртазы-али было несколько братьев: Мустафа-али, Будади, Арслан-али, Саинбулат. Порядок старшинства братьев неизвестен, но Будади умер в январе 1583 г. и погребен в Касимове 25 лет от роду; Саинбулат упомянут в разрядах только один раз под 1585 годом; о Мустафе-али нет сведений после 1586 г., но он не мог умереть ранее 1590 г., ибо его дочь скончалась в июне 1608 г. семнадцати лет от роду. Кажется, дольше всех жил Арслан, не принявший крещения. Однако его сын, Кутл-Гирей, в 1616 г. принял православие и был назван, как считал В. В. Вельяминов-Зернов, Михаилом³⁰.

В литературе почти не обращалось внимания на тот факт, что в писцовой книге Коломенского уезда 7086 г. (1577/78) письма и меры Данилы Петровича Житова и Федора Комынина с товарищами упомянута «старица» Агафья Шереметева, вдова Михаила Кайбуловича: «...за старицею за Огафьею за Ивановою дочерью Васильевича Шереметева Болшова, купля отца ее у Григорья Истомина сына Оладьина...»³¹. Думается, что Михаил Кайбулович умер в 1577—1578 гг.; во всяком случае едва ли позднее. Распоряжение в отношении царевича Муртазы-али вошло в основу духовной Ивана Грозного около 1570 г. и не претерпело изменений (редактуры).

Князя Мстиславские. *«А что отец наш, князь великий Василей Ивановичь всея России, пожаловал князя Федора Мстиславского, и что аз придал сыну его, князю Ивану...»*

Ф. М. Мстиславский выехал из Великого княжества Литовского в Москву в 1526 г. Здесь он женился на княжне Анастасии Петровне, дочери казанского царевича Петра. Ее матерью была родная племянница Василия III. Ф. М. Мстиславский получил вотчину — волости Юхоть и Черемху в Ярославском уезде, выморочное владение князей Юхотских³². В разрядах Ф. М. Мстиславский впервые появляется в 1527 г. в качестве воеводы в Кашире³³. На положение боярина Ф. М. Мстиславский так и не перешел, оставаясь служилым князем до смерти в 1540 г.³⁴ Юхотское владение после смерти Ф. М. Мстиславского перешло к его сыну — Ивану Федоровичу. По ярославской писцовой книге 1567—1569 гг., в Юхотской «отчине» числилось 9484 четв. пашни, не считая церковной земли и поросших лесом угодий³⁵. Женат был И. Ф. Мстиславский первым браком на Ирине Александровне Горбатой-Суздальской, а вторым — на Анастасии Владимировне Воротынской³⁶. Впервые он упомянут в разрядах в июле 1547 г. в походе³⁷. В 1549 г. он уже боярин. 2 декабря 1550 г. ему была дана жалованная и несудимая грамота на села и деревни в Ярославском, Тверском, Кашинском и Суздальском уездах. Любопытна фразеология этой грамоты: «Се яз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии пожаловал есми боярина своего князя Ивана Федоровича Мстиславского. Что мне бил челом и сказывает, что дана ему наша жалованная грамота на наше жалованье на его села и деревни...» Царь пожаловал И. Ф. Мстиславского и к прежней «его вотчине к Юхти» добавил деревню Горки (в Ярославском уезде), «и иные деревни, починки, всего черных деревень и починков девяносто три, а сошного писма в них четыре сохи с третью», а также сельцом Михайловским с 18 деревнями, починками, «что было в поместье за детьми боярскими за Басалаем да за Чюдиным за Михаилом за Бундовым». Причем «все черемоские черные деревни и Бундовых поместье» И. Ф. Мстиславский получил «против слободы Голузины». Там же, «в Черемхе», князь был пожалован селом Никольским с деревнями и починками, «что была вотчина и поместье Федора Воронцова». В Тверском уезде И. Ф. Мстиславский был пожалован селами Кушалиным и Бели с деревнями («княж Ивановскими селы Дорогобужского»), селом Погорелицы с деревнями «против села Ивановского з деревнями и с починки» («княгини Иринины княж Осифова Дорогобужского»); в Кашинском уезде — дворцовым селом Ильинским с деревнями и починками; в Суздальском уезде — селом Быковым. И. Ф. Мстиславскому в пожалованных

владениях предоставлялось право суда «во всем или, кому прикажет, во всех делах, и в татьбе, и в душегубстве, и в розбое с поличным»³⁸. В годы опричнины И. Ф. Мстиславскому были пожалованы города Венев и Епифань, однако в начале 70-х гг. они были у него отняты³⁹. Тверские вотчины князя позднее перешли к его зятю, Семиону Бекбулатовичу⁴⁰. А. П. Павлов отмечал, что у сына И. Ф. Мстиславского, Федора, к концу XVI в. в вотчинах числилось примерно 20 тыс. четв. земли. Костяк их — «унаследованные от отца владения в Юхотской и Черemoжской волостях Ярославского у. (всего более 13 тыс. четв.) и в Кашинском у. (2230 четв.); упоминаются также вотчины Ф. И. Мстиславского в Костромском (2160 четв.), Дмитровском (751 четв.), Московском (194 четв.), Звенигородском (738 четв.) и Муромском (715 четв.) уездах»⁴¹. В духовной царя при перечислении владений, переходивших к Ивану Ивановичу, упоминается село Быково, «что было князь Иваново Мстиславского». Судьба этого села не вполне ясна. В грамоте от 2 декабря 1550 г. царь пожаловал князя И. Ф. Мстиславского «в Суздале в Опалье селом Быковым з деревнями и починки, что то село Быково з деревнями было за теткою его княгинею за Настасьею за Шуйского»⁴². Когда село Быково конфисковали — неизвестно. Во всяком случае, оно и в начале XVII в. находилось «во дворце»⁴³.

Князья Глинские. *«А что есьми пожаловал князя Михаила князь Васильева сына Львовича Глинского вотчиною, и сын мой Иван у князь Михайлова сына у князя Иванова, и у его детей не вступается у него ничем...»*

В духовной И. М. Глинского, датированной 20 апреля 1586 г. читаем : «...да дочери ж моей Анне после отца живота вотчина моя <...> чем меня государь пожаловал после отца моего в то место <...> А што моеи вотчины, чем меня государь пожаловал царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси после отца моего и во всем в том ведает Бог да государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси, как ему, государю, Бог известит...»⁴⁴.

В завещании Ивана Грозного И. М. Глинский упомянут как служилый князь. Как считает А. П. Павлов, боярином он стал в 1585 г., после смерти Ивана Грозного⁴⁵. Умер И. М. Глинский 12 апреля 1601 г.⁴⁶ В духовной 1586 г. он перечисляет свои владения, которые располагались преимущественно в центральных районах России — Московском, Ростовском, Суздальском, Переяславском, Ярославском, Костромском уездах. Основной массив владений И. М. Глинского состоял из вотчин его отца, Михаила Васильевича Глинского. Так, в Ярославском уезде И. М. Глинскому принадлежали села Ушаково и Михайловское, а также вся волость Шаховская⁴⁷. «Благословением» отца были села Ильинское и Угодичи в Ростовском уезде, а также село Жегалово в Московском уезде, село Плющево «с деревнями и с пустошми, да купля отца моего деревенька Кривцово, да деревенька Хлепетово, да пустошь Лызлово» в Переяславском уезде. В 1584/85 г. И. М. Глинский дал в Троице-Сергиев монастырь село (приданое) Логиново-Пожарское с тремя деревнями «по княгине своей Катерини»⁴⁸.

Рассмотрим, как формировались основные владения семьи Глинских. В 1533/34 г. М. В. Глинский купил у Федора Меншика половину села Назорного за 120 руб., а в 1536/37 г. сельцо Оленино с деревнями и пустошами в Ростовском уезде за 460 руб. В то же время он купил у Марьи, жены Тимофея Головина, и у ее сына, Богдана, сельцо Ильинское с деревнями (Ростовский уезд) за 600 руб.; в 1543/44 г. у Тимофея Андреева сына Ширшева-Головина — деревню Измайловскую (Ростовский уезд) за 10 руб.; в 1545/46 г. у Т. А. Ширшева-Головина — села Нажирово и Раменье с деревнями на р. Суходол за 250 руб.⁴⁹ В 1552/53 г. Григорий Никитин сын Баскаков и его сыновья заложили кн. М. В. Глинскому за 105 руб. в Переяславском уезде деревню Кривцово на речке Грязовице. 1553/54 г. Андрей Михайлович Баскаков и его сыновья заложили кн. М. В. Глинскому за 70 руб. деревню Новинки и пустошь Вахромеево в Переяславском уезде⁵⁰. В 1553/54 г. кн. М. В. Глинский купил у Иова Васильева сына Тетерина «его куплю» село Лысцово с 7 деревнями и 11 пустошами (Ростовский уезд) за 500 руб.⁵¹ В

1555/56 г. М. В. Глинский отказался от прав на деревню Софьино, которую вдова кн. Ю. В. Глинского, Авдотья, дала в Троице-Сергиев монастырь. В 1557/58 г. Лука Никитов сын Баскаков заложил кн. М. В. Глинскому за 143 руб. в Переяславском уезде деревню Хлепетово и сельцо Назарово⁵². В 1559/60 г. Иван Федорович Карамышев и его сын, Петр, продали кн. М. В. Глинскому «куплю» — село Жегалово в Московском уезде за 30 руб. В 1560/61 г. Василий и Иван Неклюд дети Семеновы продали княгине Фетинье, вдове кн. М. В. Глинского, часть села Горемыкина за 50 руб. 30 июля 1574 г. по наказу Ивана Грозного кн. Данила Андреевич Друцкой и дьяк Кирей Федорович Горин продали в вотчину из государевых земель князю Ивану Михайловичу Глинскому бывшее поместье кн. Ивана Шелетюкова сына Черкасского в Московском уезде: пустоши Сусканово, Коробово, Кобылино, Дьяково, Петково за 34 руб.⁵³ Кроме того, М. В. Глинский владел вотчинами в Ржеве⁵⁴.

Ульяна Палецкая. Со ссылкой на завещание своего брата, Юрия Васильевича, Иван Грозный из выморочного удела дал княгине Ульяне, жене Юрия, «на прожиток до ее живота» город Кременеск, город Устюжну Железную с посадом и приписанными к нему деревнями, ряд подмосковных и угличских сел и деревень.

Ульяна Палецкая после смерти мужа (в 1563 г.) постриглась в монахини под именем Александры. Дата ее смерти неизвестна, однако имеются основания предполагать, что умерла она не раньше А. Г. Васильчиковой, пятой жены Ивана Грозного⁵⁵.

В царском архиве содержались «книги черные, что было дано княгине, во иноцех старице Александре, князь Юрьеве в наделок вотчины, и святости, и всякие кузни и судов»⁵⁶. Термин «наделок» в источниках XIII—XV вв. означал долю в наследстве⁵⁷. М. Н. Тихомиров относил пожалование Ульяне Палецкой Кременеска и Устюжны к 1564 г.⁵⁸ Р. Г. Скрынников пришел к выводу, что в тот момент княгиня получила только Кременеск, а Устюжна перешла к ней в 1570 г.⁵⁹ А. А. Зимин возражал: «Действительно, сохранилась грамота Ивана IV в Устюжну от 30 июня 1570 г., в которой упоминалось, что царь „пожаловал... старицу Александру Устюжною Железопольскою”. Но в грамоте не говорилось, что Грозный пожаловал Устюжною именно в 1570 г., а содержалось распоряжение о невъезде на Устюженский посад недельщиков. Так что дату 1564 г. грамота не отвергает»⁶⁰.

Итак, и «города, и волости, и села» находятся во владении Ульяны до ее «живота», верховная же юрисдикция передается сыну Ивана IV, Ивану; он «держит за нею те города, и волости, и села». После смерти Ульяны Кременеск «с волостями и с волостью с Вешками» переходит в ведение Ивана Ивановича («к великому государству»), а черкизовская мельница и одиннадцать деревень отходят Федору, к его селу Черкизову.

Сюзеренные права распоряжения прожиточной вотчиной княгини Палецкой передавались также удельному князю Федору: «...а село Пузьево с деревнями, да село Белой Раст с деревнями, да деревня Наузулово, и которые деревни приписаны к Наузулову, сыну моему Федору к селцу Озерецкому, Устюжна Железопольская, и волость Карга, и села, которые в Углицком уезде, село Николское Жданово с деревнями, сыну же моему Федору, к Угличу». Царь оговаривал в завещании некоторые дополнительные вотчинные права Ульяны, еще раз показывая, что сюзеренитет двойной: непосредственный — младшего сына Федора и верховный — старшего сына Ивана. «А что есьми, по отца своего душевной грамоте и по брата своего, князь Юрьеву, приказу, дал есьми жене его, княгине Ульяне, вотчину впрок, в Углицком уезде село Хороброво с деревнями, да село Красное с деревнями, и грамоту есьми жалованную на те села и деревни, по нашей жалованной грамоте волна она отдать по душе, и продать, и променить, или буде похочет роду своему отдать, сын мой Иван и сын мой Федор в те у ней два села не вступаются, по сей нашей жалованной грамоте»⁶¹.

Князя Трубецкие. «А что есми пожаловал Романову жену Юрьевича и ее сына Никиту волостьми и селы, и сын мой Иван в ту вотчину, ни у них

детей не вступается...» Кого же имел в виду Иван Грозный? Речь идет о некоем Романе Юрьевиче и его сыне, Никите. При атрибуции следует иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, возможна ошибка переписчика или переписчиков. В списке стародубских вотчин в завещании Ивана Грозного из 26 указаний на землевладение в пяти сделаны ошибки в написании имен и фамилий. Во-вторых, в завещании регулируются отношения собственности только между царской семьей и династиями служилых князей (даже если отдельные представители этих династий стали боярами). Для традиции оформления подобных документов это естественно, ибо именно династический статус служилых князей предполагал специальное подтверждение их прав со стороны правящей династии. Из всех семей служилых князей XVI в. речь могла идти лишь о семье князей Трубецких: Романе Семеновиче (а не Юрьевиче!) Трубецком и его сыне Никите Романовиче (ни одного Романа Юрьевича не было среди представителей служилых князей конца XVI в.). Роман Семенович в первый и последний раз упоминается в разрядах в 1558 г.⁶² Первое же упоминание Никиты Романовича Трубецкого, опричника⁶³, относится к весне 1571 г. В следующий раз он упоминается в 1575/76 г.: «да з государем же в полку быти воеводы с людьми боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйской, князь Микита Романович Трубецкой, князь Тимофей Романович Трубецкой...». В августе 1577 г. Н. Р. и Т. Р. Трубецкие упоминаются как «головы с сотнями». В июне 1579 г., когда еще было в силе дошедшее до нас завещание, Н. Р. Трубецкой упомянут в разрядах (как и в завещании) вместе с другим служилым князем — Иваном Михайловичем Глинским. Следующее упоминание Н. Р. Трубецкого относится к 1586 г. — он боярин царя Федора Ивановича⁶⁴.

Землевладение князей Трубецких изучали С. П. Мордовина и А. П. Павлов. Можно считать доказанным факт, что «из удельных князей Юго-Западной Руси только Трубецким, служившим в опричнине и „дворе" и пользовавшимся неизменным доверием Ивана Грозного и Бориса Годунова удалось сохранить к концу XVI в. родовые владения в Трубчевске»⁶⁵. За Н. Р. Трубецким числилось в конце века более 1000 четв. вотчинной земли в Трубчевске. Кроме того, он владел вотчинами в Московском, Дмитровском уездах. Упоминаются его поместья в Ржевском, Козельском и других уездах⁶⁶.

* * *

Перейдем теперь к рассмотрению состава владений тех, кого царь благословлял. Слова «благословить» и «благословление» в русском языке XI—XVII вв. тоже полисемантичны. Но они совпадают в одном из главных своих значений: *благословить* — значит передать что-то по наследству, завещать; *благословение* — само завещание и то, что завещается. Причем благословение чаще всего связано с родительской (отцовской) волей. Слово «удел» в определенном контексте синонимично «благословиению». Не случайно, «благословить» — значит также разделить семейную (родовую) собственность. Вместе с тем словосочетание «родителей благословление» встречается в сочинениях Ивана Грозного и отражает его взгляды на природу царской власти: «Мы же хвалим за премногую Его (Бога. — А. Ю.) милость, произшедшую на нас, еже не попусти десницы нашей единоплеменной кровью обогрится, понеже не восхитихом ни под кем же царьства, но Божиим изволением и прародителей и родителей своих благословлением, яко же и родихомся во царьствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся Божиим повелением, и родителей своих благословлением все взяхом, а не чюжее восхитихом»⁶⁷.

Иван Грозный в завещании 1579 г. благословил наследника престола Ивана, младшего сына Федора, и свою жену, Анну Васильчикову. Для Ивана Ивановича

отцовское благословение — это власть в государстве, для Федора и Анны Григорьевны — это уделы, т. е. часть общего достояния семьи. Обратимся к подробному анализу состава владений Федора, чтобы восполнить пробел в науке. В послании Таубе и Крузе встречается такое любопытное свидетельство: перед введением опричнины царь сообщил своему окружению причины своего отречения и «велел <...> следить за тем, чтобы после его кончины, ибо все люди смертны, не возникало между его молодыми сыновьями-князьями спора и раскола и чтобы они заботились не только об искоренении несправедливостей и преступлений, но и о том, чтобы водворить в стране порядок, мир и единство. С этой целью решил он дать начало, продолжение и конец изложенным вещам. И прежде всего для охранения своей княжеской жизни взять на государя некоторых бояр, детей боярских, области, города и дома и построить в Москве собственный удобный, спокойный двор. После его смерти все, что взято на него, должно перейти к младшему его сыну, а оставшееся, Москва и население, земщина, как это называют, старшему. Так как такое начало имело хороший вид, была ему выражена представителями всех чинов благодарность за его заботливость. Так поступили даже те, которые этого не хотели и считали образ действий царя опасным»⁶⁸.

Если царь Иван в годы опричнины осознанно боролся с уделами и удельной системой (т. е. с порядками), то зачем ему в 1565 г. понадобилось утверждать, что по завершении начатых мер (имеющих «продолжение и конец») его, государев, опричный удел перейдет к Федору? Подобное известие легко отвергнуть как тенденциозное на том хотя бы основании, что иностранцам непонятна была русская действительность... Если бы не одно «но»: большая часть опричных земель в самом деле переходила к сыну Федору. Если учесть, что у нас нет полной информации об опричной территории, то не исключено, что изучение состава удела Федора может дать пищу к размышлениям и о составе опричных земель. Сообщение Таубе и Крузе, бежавших в Великое княжество Литовское в 1571 г., следует признать в целом достоверным⁶⁹.

Удел Федора Ивановича. *«Да сына же своего Федора благословляю, даю ему город Суздаль с волостьми и с путьми <...> да город Шую с волостьми и с путьми и с селы...»*

Суздаль и Шуя вошли в опричину. А. А. Зимин обратил внимание на то, что в 1566 г. в посольских делах опричник Ф. И. Умной-Колычев назван был «наместником суздальским»⁷⁰. Обратим внимание и на то обстоятельство, что около 1579/80 г. стародубские вотчины выкупались царской властью и шли в поместную раздачу в связи с тем, что «Суздаль взят был <...> во двор»⁷¹. Ограничение княжеских прав суздальско-нижегородских князей подробно исследовано В. Б. Кобриним. Он анализировал объем прав князей, изучая формуляры жалованных и данных грамот. Объем прав удельных князей фиксировался, по мнению ученого, формулой «пожаловал есмь»; вотчинных — «дал есмь». В. Б. Кобрин писал: «...падение независимости этого (Суздальско-Нижегородского. — А. Ю.) княжества началось в 1392 г., хотя Суздаль и Городец, возможно, еще некоторое время оставались самостоятельными. Только в конце 1448 — начале 1449 г. старший из суздальских князей — Иван Иванович — окончательно признал власть Василия Темного. В заключенном тогда докончании суздальский князь выступает в роли не союзного, а служилого князя: для обозначения характера отношений не употребляются термины родства („брат младший“, „в отца место“, и т. п.), великий князь именуется даже не „господином“, а „господарем“ суздальского князя. Суздальское княжество выступает и как наследственное владение, и как пожалование ему от великого князя, которое может быть конфисковано за вину. Суздальского князя великий князь посылает на службу, а тот идет „без послушанья“... После этого акта падение независимости Суздальско-Нижегородского княжества стало окончательно свершившимся фактом, и Василий

Темный в своем завещании уже передает Суздаль в числе других городов старшему сыну — Ивану III»⁷².

«Да ему жь даю город Кострому да город Плес с волостми, с путми, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Любим, да город Буй, да город Судиславль, да город Нерехту, и с Солми с Большою и с Малою, и со всеми их волостьми...»

Таубе и Крузе утверждают, что Иван Грозный взял себе в опричнину Кострому, Плес и Буй зимой 1565/66 г.⁷³ С. Б. Веселовский же вслед за С. Ф. Платоновым датировал переход Костромы в опричнину 1567 годом⁷⁴. П. А. Садиков пытался уточнить время этого перехода. Кострома стала опричною между 14 февраля — 9 марта 1567 г. В 1575—1576 гг. она снова вернулась «в земское»⁷⁵. А. А. Зимин полемизировал с П. А. Садиковым: «Как за две-три недели февраля — марта правительство умудрилось уже вывести вотчинников из Костромского уезда и даже приискать землю для столь срочно выселенных землевладельцев? К тому же из грамот, относившихся к делу Марии Зубатовой-Аргамаковой, отнюдь не явствует, что вся Кострома в это время была уже приписана к государеву уделу»⁷⁶. До духовной Василия Темного Кострома не передавалась отдельно: она входила в состав земель великого княжения Владимирского и являлась как бы общим достоянием великокняжеской семьи. Упоминались лишь некоторые владения «из великого княжения», «ис Костромы». Согласно же завещанию Ивана III, старший сын Василий получал «город Кострому, и с Плесом, и с Нерехтою, и с Ыледамом, и с волостьми...».

Города Заволжья — Любим, Судиславль, Нерехта, Соль Малая и Великая (также, как и Буй) входили в Костромской уезд⁷⁷, но об их опричном происхождении нет сведений.

«Да сына же своего Федора благословляю, даю ему город Ярославль с волостми».

Падение независимости основной территории Ярославского княжества произошло около 1463—1468 гг. и было, как отмечал В. Б. Кобрин, «лишь завершающим актом длительного процесса». Единственный сын последнего ярославского князя Александра Федоровича, Данила Пенко (родоначальник князей Пенковых), не только превратился в служилого князя, но и вошел с 1500 г. в качестве боярина в Боярскую думу. Любопытно, что в 1497 г. он дал вологодскому Спасо-Каменному монастырю жалованную грамоту, в которой подтверждение пожалования деда, отца и свои. По словам монахов, «теми землями пожаловал по старине»⁷⁸.

«Пожаловал семь» — формуляр грамот княжеского типа. К тому, о чем писал В. Б. Кобрин, добавим: «пожалование» само по себе свидетельство того, что у рода Пенковых оставались права на «благословление». В завещании Василия Темного Ярославль не упомянут. По духовной Ивана III город «с волостьми» уже передается по наследству сыну. Сохранение родовой собственности ярославских князей сопровождалось подчинением ее верховной власти. Не случайно монахи Спасо-Каменного монастыря «потеряли» грамоты деда и отца Данилы Пенко; также едва ли случайно они весьма неопределенно говорили о характере иммунитета.

Еще С. Ф. Платонов полагал, что Ярославль в середине 70-х гг. XVI в. вместе с Переяславлем Залесским попал в опричнину⁷⁹. Л. М. Сухотин же, основываясь на публикации дел Поместного приказа 1611 г., считал, что Ярославль был взят в опричнину не позднее 1568/69 г.⁸⁰ С. Б. Веселовский пытался уточнить время этого перехода: около 1567 г. и не позднее 1568 г.⁸¹ П. А. Садиков допускал, что Ярославль был взят в опричнину с 1565 г.⁸² В. Б. Кобрин пришел к заключению, что к 1567/68 г. Ярославль еще не был зачислен в опричнину⁸³. А. А. Зимин, анализируя материалы казанских, свияжских, ярославских писцовых книг, пришел к выводу, что «Ярославль в опричнину не был взят»⁸⁴. Вместе с тем историк подчеркивал: «Это не значит, что в Ярославле вовсе не было опричников. Напротив, несколько видных деятелей опричнины имели там вотчины и поместья»⁸⁵.

Недавно Ю. В. Анхимюк обнаружил на листах сборника XV в. запись, из которой следует, что Ярославль и Ростов были взяты в опричнину 21 января 1569 г.⁸⁶

«Да сыну же моему Федору даю город Козельск и Серенск с волостми, и с путми, и с селы...»

С. Б. Веселовский относил Козельск к опричнине. А. А. Зимин привел дополнительный факт, свидетельствующий о включении города в опричнину: наместником Козельска в посольских делах 1566 г. назывался опричник П. В. Зайцев⁸⁷. Не случайно вместе с Козельском упомянут Серенск. М. Н. Тихомиров ошибался, когда отождествлял Серпейск с Серенском⁸⁸. Серенск — это козельская волость: об этом прямо свидетельствует описание Козельского уезда, дошедшее до нас в списке XVII в.⁸⁹ В. Н. Дебольский отмечал, что она находилась в Козельском уезде «под самим городом»⁹⁰. В опричнину, возможно, входил не только город, но и уезд (по крайней мере указанная его часть).

Как уже упоминалось, у владений Ульяны Палецкой оказался двойной сюзеренитет. Сюзеренные права передавались Ивану Ивановичу и удельному князю Федору. По завещанию Василия III его сыну Юрию переходили города: Углич («и все поле, с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с Холопьем, что торг на Мологе»), Бежецкий Верх, Калуга, Ярославец Малый, Суходровь, Кременеск, Медынь, Мещерск, Опаков на Угре («со всем да и волости на Угре, что были даны князю Василью Шемечичу да князю Василью Стародубскому»)⁹¹; села: Озерецкое Старое («у Москвы»), Озерецкое Новое «с деревнями и со всеми прикупками», Черкизово («с деревнями, что куплено у Петровых детей Яковлева Захарына, и с прикупными селы, и с прибавочными становыми деревнями»), Напрудское. В духовной Василия III оговаривалось: если «Юрья брата в живности не будет, а не останется у него ни сына, ни внука, и ту вотчину всю, его удел» отец завещает старшему сыну, Ивану. Когда Юрий в 1563 г. умер, не оставив потомства, Иван Грозный из удела брата дал сыну Ивану города: Бежецкий Верх, Калугу, Ярославец Малый, Суходровь, Медынь («с волостьми и с путми, и селы, и со всеми пошлинами, да волостьми жь <...>Товарковым, и Конопкою, и иными волостьми по Угре, что было за князем Васильем за Шемячичем и за князем Васильем Стародубским»), село Черкизово («под Москвою») за исключением черкизовской мельницы и одиннадцати деревень.

Иван Грозный из этого выморочного удела дал Ульяне Палецкой, жене Юрия, «на прожиток» город Кременеск («с волостми, и с путми, и с селы»), город Устюжну Железную с посадом, волость Кадку в Угличском уезде, подмосковные села Кузьево (Пузьево), Белый Рат (Раст), деревню Наузолово («и иными деревнями, которые с Наузоловым приписаны были те деревни к селу Озерецкому»), черкизовскую мельницу («на реке Клязьме») и одиннадцать деревень, приписанных к мельнице; царь также «пожаловал» ей угличские дворцовые села Зеленцово с деревнями и Никольское-Жданово с деревнями. Входили ли эти села в опричнину?

Озерецкое Новое и Старое упоминаются в духовной великого князя Василия Васильевича («да даю своей княгине Озерецкие села и деревни»); по духовной Ивана III эти села отдаются Дмитрию⁹². 7 мая 1564 г. царь с семьей, митрополитом Афанасием и князем Владимиром Андреевичем отправился в Переяславль, откуда поехал в Троицу, затем — в Александрову слободу, в село Озерецкое, Можайск и Можайский уезд, далее — в Вяземский уезд (в волость Олешню, принадлежавшую Владимиру Андреевичу) и в дворцовые села Верею и Вышгород⁹³. А. А. Зимин справедливо отмечал, что в скором времени Можайск, Вязьма, Вышгород и Олешня (не говоря уже об Александровой слободе) войдут в состав опричных земель. Следуя этой логике, можно предположить с достаточным основанием, что и село Озерецкое (Старое, Новое?) вошло в опричнину. Любопытно, что в завещании Ивана IV особо оговаривалось: деревня Наузолово с другими деревнями «приписаны» к селу Озерецкому. Село Напрудское упоминается в духовной Ивана Калиты — оно завещалось Семену. В духовной грамоте Семена Ивановича село передавалось жене. Иван Иванович, в свою очередь, передал его княгине

Марье. По духовной Дмитрия Донского (второй) село завещалось сыну Андрею. Василий Темный отдавал село «Напрудское оу города» своей жене. Завещание Ивана III фиксирует передачу села сыну Дмитрию: «на Москве село Напрудское з дворы з городскими с посадными». Василий III отдал село сыну Юрию⁹⁴.

Федор Иванович по завещанию отца должен был получить также Волок Ламский, подмосковные села «Крылецкое с деревнями, да село Татарово с деревнями, да село Сорочино с деревнями, Романцово с деревнями». Село Крылацкое упоминается во второй и третьей духовных Василия Дмитриевича: оно передается княгине⁹⁵. О других селах сведений нет.

К уделу Федора Ивановича отходили кроме того село Быково «в Суздале», ранее принадлежавшее И. Ф. Мстиславскому, и вотчинные владения А. Б. Горбатого: волости Коряковская, Турех, села Лопатниче, Борисово, полсела Гориц, 2/3 села Тернеева. Дочь А. Б. Горбатого в 1547 г. вышла замуж за И. Ф. Мстиславского. А. Б. Горбатый с сыном были казнены в феврале 1565 г.⁹⁶

Удел царицы Анны Григорьевны Васильчиковой. Иван IV традиционно оговаривал случаи рождения у царицы сына, заранее благословляя его городами Угличем, Устюжной, Холопым городком «с волостями, и селы, и с двумя селы, которые даны старице Александре княжо Юрьево Васильевича, и з данью к Угличу. Да ему жь даю город Кашин, и с Задубровскою слободкою и Славковым, и со всеми волостями, и селы и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Ярославец с волостми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Верею с волостями, и с путями, и с селы, и со всеми пошлинами». Если же у Анны Васильчиковой родится дочь, ее он благословляет уделом, давая город Зубцов «с волостми, и путями, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ей же даю Опоки, и Хлепен, и Рагачев с волостями». Далее царь включает в возможный удел дочери следующие села: «Да ей же даю подмосковные села, село Митрополичье, что было Михаила Тучкова, село Елдегино, что было Юрья Шеина, село Симоновское Васильевское Шеина, село Кленки Услюмовское Данилово, село Ивановское Брюхово, село Супонево Сафарынского Ивана Сафарина, село Давыдовское Дмитриевское Яковлева сына Давыдова со всеми деревнями и с угоды».

Село Митрополичье принадлежало Михаилу Васильевичу Тучкову и его сыну Василию. Впервые М. В. Тучков упоминается на свадьбе кн. В. Д. Холмского в 1500 г. В январе 1533 г. он присутствовал на свадьбе кн. Андрея Старицкого. Незадолго до этого получил чин боярина, а в 1539 г. сослан в свое село. Дата смерти неизвестна. Сын М. В. Тучкова, Василий, упоминается в разрядах в июне 1543 г. воеводой и рязанским дворецким. Погиб, видимо, в 1547 г.: должен был присутствовать на свадьбе Ивана Грозного в качестве «друшки», но «не был за тем: убился с лошади»⁹⁷.

Семейству Шейных принадлежали села Елдегино и Симоновское Васильевское. Юрий Дмитриевич Шеин в 1523—1527 гг. значится вотчинником Московского уезда. В разрядах впервые упомянут в октябре 1531 г. — в Новгороде, с царем Шигалеем «в приставах». Последний раз упомянут в 1537 г. В 1557/58 г. село Елдегино (Елдигинское) значится как вотчина Михаила Юрьевича Шеина⁹⁸.

Село Кленки принадлежало Услюму Ивановичу Данилову. В разрядах У. И. Данилов впервые упоминается в июне 1543 г. в Нижнем Новгороде. Последнее упоминание в разрядах относится к 1555/56 г.: он воевода в Смоленске. В 1561/62 г. У. И. Данилов описывал Переяславский уезд⁹⁹.

Село Ивановское (в завещании «Ивановское Брюхово») принадлежало Ивану Семеновичу Брюхову-Морозову. В разрядах он единственный раз упомянут в феврале 1536 г.: «В Новгороде в Нижнем в городе окольников Иван Семенович Брюхов-Морозов»¹⁰⁰. Кроме того, известно, что И. С. Брюхов-Морозов в 1500 г. присутствовал на свадьбе кн. В. Д. Холмского. В 1514/15 г. он наместник в Луках, * В цитате знаки препинания расставлены иначе, чем в публикации грамоты, так как названия сел и именованя их по фамилиям владельцев публикаторами перепутаны. — А. Ю.

а в 1526—1530 гг. и в декабре 1535 г. — новгородский дворецкий. В сентябре 1535 г. он числился третьим воеводой большого полка, посланного в Коломну¹⁰¹.

Село Супонево (в завещании — «Супонево Сафарыньское») принадлежало Ивану Сафарину, о службе которого ничего неизвестно. Однако, по межеванию писцов кн. Романа Даниловича Дашкова, Федора Григорьевича Адашева Ольгова, дьяка Третьяка Дубровина, село Супонево и деревня Таркина числились как вотчина Ивана Сафарина в 1542/43 г. Ранее он упомянут в духовной Андрея Михайловича Плещеева (1491 г.) в качестве свидетеля¹⁰².

Село Давыдовское (в завещании — «Давыдовское Дмитриевское») принадлежало семье Морозовых. Одну из ветвей этой семьи представлял Дмитрий Давыдович. Он служил при дворе князя Андрея Углицкого, в 1462 г. был звенигородским наместником. У Дмитрия Давыдовича было семь сыновей: Петр (бездетный), Яков, Григорий, Константин Владыка, Иван Голочел, Василий, Андрей Серко. У Якова — двое сыновей: Иван и Григорий Кляча. По писцовому описанию подмосковных вотчин 1542/43 г., между селами Митрополичьим и Супоневым, принадлежавшими соответственно В. М. Тучкову и И. Сафарину, располагалось село Давыдово Ивана Яковлевича Морозова¹⁰³.

А. Г. Васильчиковой царь передавал также город Ростов; «под Москвой» — села Алешня, Болтино, Астанково; «в Ярославле» — владения князей Суцких: села Судки, Шулепово, Болонино, Мартемьяново, Борниское, Новое, Кривцово («что было княгини Аграфены Суцкого»). Аграфена была женой Ивана Федоровича Суцкого, который упоминается в разрядах один раз: в июне 1543 г. — в Нижнем Новгороде в качестве воеводы. До нас дошла его духовная грамота 1545/46 г., по которой он передает села Судки, Шелепово, Мартыново (Мартемьяново?) и Болонино своим дочерям Орине и Федоре. В 1565 и 1570 гг. княгиня Аграфена Суцкая купила у Троице-Сергиева монастыря деревни «до живота». После ее смерти эти «купли» должны были быть отданы монастырю «по душам» Ионы Федоровича Суцкого и кн. В. М. Глинского¹⁰⁴. В Юрьеве Польском А. Г. Васильчиковой отдавались села «Городище Мстиславле», Флолищево, Сенское, Елохово с деревнями.

* * *

Итак, в завещании Ивана Грозного отчетливо прослеживается модель отношений собственности. Русский сюзеренитет проявляется в семейном владении на основе права *dominium directum*. Обратим внимание, что для верховной власти «удел» — часть семейного достояния. В семейный круг входят самые близкие родственники, имеющие права на наследование (дети, братья великого князя, его жена). Любое владение, принадлежавшее нечлену правящей семьи, уже не удел (не благословение), а пожалованное владение (даже если владельца приходится называть «годовником»). «Пожалование» — средневековая категория сознания. В реальной практике пожалованная вотчина — это владение, на которое распространяется верховное право распоряжения собственностью, принадлежащее как в целом великокняжеской семье, так и персонально государю. Словом, в завещании царя фиксируется удельно-вотчинная система как система разделенной семейной собственности с правом верховной власти в распоряжении всей территорией государства. Как же и когда возникла эта система? Рассмотрим духовные грамоты московских великих князей в ретроспекции.

В завещании Ивана III владения сыновей, удельных князей Юрия, Дмитрия, Семена и Андрея распределяются по одному клише. Передаются: 1) дворы «внутри города» и село «на Москве»; 2) что-то «из московских сел»; 3) города и волости.

Юрию завещались: дворы «внутри города»; «московские села» Сушово и Лыткино; города — Дмитров, Звенигород, Кашин, Руза, Брянск, Серпейск. *Дмитрию* — дворы и село «на Москве» (Напрудское); из «московских сел» — «Озерецкие села Старое и Новое з деревнями»; города — Углич, Молога, Хлепен, Зубцов (в Тверской земле), Опоки, половина Ржевы, Месческ, Опаков. *Семену* — дворы и сельцо «на Москве» (Луцинское), а также слободка «князь Васильевского

Ромодановского»; из «московских сел» — «Розсудовские села за Пахрою, Звереве да Бораново з деревнями»; города — Бежецкий Верх, Калуга, Козельск. *Андрею* — «на Москве за рекою слободку Кольчевскую да монастырь Рожество Пречистые на Голутвине»; из «московских сел» — Ясенево, Сарыево, Юдино; города Верея, Вышгород, Олейн, Любутеск, Старица, Холм, Новый городок; волости — Гжель, Раменеицо, Селна, Гуслица, Загарье, Вохна, Олешня и некоторые другие¹⁰⁵.

В распорядительной части завещания Ивана III так же, как и в завещании Ивана Грозного, четко разделяется то, чем великий князь «благословил», и то, чем «пожаловал». Сама система функционирует по определенному принципу: уделы — части общесемейной собственности, но каждый удел — потенциальная отчина, которая при некоторых условиях (рождении детей) становится системой уделов. Именно поэтому Иван III оговаривал случай смерти одного из младших сыновей, получавших уделы, — «а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удел весь в Московской земле и в Тферской земле, что есми ему ни дал, то все сыну моему Василью, а братья его у него в тот удел не вступаются».

Итак, круг тех, кого Иван III «благословляет» уделами, также ограничивается семьей. Обратим внимание на словоупотребление в той части текста, где речь идет о «пожаловании»: «А что есми пожаловал князя Феодора Ивановича Белского, дал есми ему в вотчину город Лух с волостями, да волости Вичогу да Кинешму, да Чихачев и князь Феодор и его дети служат сыну моему Василью, а ту свою вотчину дръжат по тому, как было при мне»¹⁰⁶.

Владения служилых князей никогда великокняжеской властью не считались «уделами» — частью великокняжеской семейной собственности. Вместе с тем пожалованная вотчина внутри себя могла делиться на уделы. Но эти уделы соотносились только с этой данной отчиной, изначальным отцовским владением. Та же модель удельно-вотчинной системы представлена и в завещании Василия Темного. Великий князь «благословляет» уделами своих сыновей Юрия (Дмитровым, Серпуховым, Хотунью, Можайском, Медынью, селами и волостями), Андрея (Угличем, Устюжной, Рожаловым, Велетовым, Кистьюмой, Бежецким Верхом, Звенигородом, селами и волостями), Бориса (Ржевой, Волоком, Рузой и селами), Андрея Меньшого (Вологдой, Кубеной, Заозерьем, Иледамом), княгиню (Ростовом и многочисленными селами). О «пожаловании» же сказано вполне определенно: «А кому буду давал своим князем, и бояром, и детям боярским свои села в жалованье, или хотя и в куплю кому дал, ино те мои села моим детям, во чьем оуделе будет, ино тому то и есть»¹⁰⁷.

Если говорить о корнях этой системы, то следует обратиться к завещанию Ивана Калиты, в котором уже обозначено направление ее развития. Свое домениальное владение князь делит между сыновьями (нет еще слова «благословил», просто — «дал»). В завещании проступают и начатки самой системы будущего пожалования; во втором варианте духовной князя читаем: «А что есми купил село в Ростове Богородичское, а дал (еще не пожаловал! — *А. Ю.*) есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому с л у ж и т и, село будет за нимь, не иметь ли служити детям моим, село отоимут»¹⁰⁸.

Каковы же были предпосылки возникновения великокняжеской удельно-вотчинной системы? Вне всякого сомнения, эта система отчасти возникла на родной почве. Русская земля со времен Святослава находилась в коллективном владении целого рода, впоследствии очень разросшегося. А. Е. Пресняков открыл двойственную природу «отчины» в киевский период истории. Говоря о мятежных князьях, он писал: «Если их проявления при жизни отца носили печать бунта против отцовской власти, то после его смерти они могли опереться на общеправовой факт семейных разделов унаследованной отчины или вызвать упорную борьбу — вне всяких общеправовых норм — против распада отчины, за сохранение ее единства в руках одного владельца». Обыкновенные нормы того времени, отмечал ученый, не предусматривали организацию семейного владения «вне либо патриархальной родительской власти либо вполне нераздельного владения, общего для сонаследников, которые ничего в нем не считали бы своим

личным». Два пути открывались перед князьями Рюриковичами, две возможности: «восстановление единства и целостности владения путем борьбы и уничтожения родичей или распад, дробление на ряд отдельных, независимых друг от друга волостей-княжений»¹⁰⁹.

Стало быть, переход от общеродовой собственности к семейной («отчинной») в Киевской Руси вел к распаду молодой государственности, и «ряд» Ярослава Мудрого, полагал А. Е. Пресняков, ничто иное как стремление избежать естественного последствия раздела. Именно в этой попытке противостоять распаду уже видны ростки будущей удельно-вотчинной системы. «Долгое владычество старших Ярославичей создало... представление, что они трое — единственные преемники отца. И летописный пересказ постановлений Любецкого съезда отражает ту же точку зрения. Он знает только три отчины: Изяславлю, Святославлю и Всеволожу, а волости, доставшиеся младшим князьям, считает данными по воле Всеволода (разрядка моя. — А. Ю.). Так же смотрит и Святополк Изяславич, полагая, что Давид и Ростиславичи владеют его, Святополка, отчиной»¹¹⁰.

Модель удельно-вотчинных отношений зарождается уже в эпоху перехода к семейной «отчине». В целом же можно сказать, что в Древнерусском государстве не была найдена формула распоряжения (*dominium directum*) в отношении собственности.

Серьезное влияние на формирование удельно-вотчинной системы оказало монгольское право и сама монгольская система властвования. Отметим характерные особенности этой модели. С образованием Монгольского государства постепенно выделился один род, который подчинил себе другие роды и закрепил свою власть над всей территорией. Процитируем Рашид ад-Дина: «Так Чингизхан был ханом, господином соединения планет, самодержцем земли и времени, все племена и роды монгольские из родных и чужих стали его рабами и слугами». Иначе говоря, как отмечал Б. Я. Владимирцов, понятия о родовой собственности были перенесены на категорию «народ — государство». Отсюда следовало, что государство — это достояние рода Чингисидов. Именно с этим историческим обстоятельством напрямую связано монгольское право наследования собственности: сама государственная территория, принадлежащая одному роду, делится на уделы между членами правящей семьи. «Нам не известно ни одного случая, — писал Б. Я. Владимирцов, — когда бы не кровно связанный с родом Чингисхана был бы принят тем или другим образом в среду царевичей и сделался бы членом их „золотого рода“... Тайши, чинсанги и зайсанги, как бы могущественны они ни становились, никогда не могли и мечтать войти в род Чингиса: тайджи надо было родиться, родство по женской линии не давало никаких прав в этом отношении. Поэтому монгольским ханом, владыкой всех монголов, мог быть только потомок Чингисхана, создавшего империю — державу для себя и своего рода»¹¹¹.

Таким образом, государственная территория — достояние рода — делилась на уделы между членами семьи, которыми считались дети хана, жена и мать, а также родные братья¹¹². По словам Плано Карпини, в Монгольском государстве «все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: „Это мое или его“, но все принадлежит императору», — а потому любой владелец получал как бы часть родовой собственности монгольского хана. В этом и проявлялось в чистом виде право *dominium directum*. Г. А. Федоров-Давыдов отмечал, что Чингисхан «завещал сыновьям требовать ежегодной явки вассалов к хану для утверждения держаний. Без этой явки кочевой феодал как бы лишался прав на улус... Яса Чингисхана подчеркивала полную зависимость монгольской знати от каана. Никакой феодальной автономии, полная власть каана над всеми слоями аристократии, над всеми держателями улусов — таков лейтмотив этих положений Ясы».

В силу того, что власть и собственность находились в руках одного рода, традиция наследования вскоре обнаружила свою естественную амбивалентность, существуя в пределах двух типов передачи власти: от отца к сыну, либо от брата к брату. Горизонтальное право наследования «опиралось на старые традиции, рассматривавшие улус Джучи как достояние всего рода, а потому

считавшие, что права на престол имеют все те члены его рода, которые оказываются старшими»¹¹³.

В конце XIII в. усиливаются децентрализаторские тенденции в самой Монгольской империи, власть джучидского хана становится фактически самостоятельной, независимой от власти великого хана. Постепенно побеждает принцип наследования от отца к сыну, способствующий установлению единодержавия.

История Северо-Восточной Руси XIII—XIV вв. тесно связана с историей государства Джучидов. «При хане Узбеке происходит завершение формирования государства джучидской монгольской аристократии. При Узбеке и Джанибеке это государство достигает в своем развитии кульминационного пункта. Резко возрастают центральная власть и ее аппарат, могущество и сила хана... Татарская администрация и войско на Руси подчиняются теперь Джучидам». Г. А. Федоров-Давыдов обращает внимание на факт чрезвычайно важный и вместе с тем не оцененный по достоинству отечественными историками: в начале XIV в. в Золотой Орде «на местах создаются... династии областных правителей»¹¹⁴. Формирование их не могло не идти в соответствии с монгольскими представлениями о власти. По всей видимости, это было едва ли не прямой рецепцией монгольской системы, ибо семьи местных правителей получали право наследования¹¹⁵. Подобный же поворот к утверждению наследственного права местных правителей произошел также и в Северо-Восточной Руси в XIV в. Можно даже достаточно точно определить один из его узловых моментов: в 1339 г., как известно, Иван Данилович Калита ездил в Орду со своей духовной грамотой, которая получила одобрение хана. На грамоте — ханская тамга (печать). Напомним, что тамга первоначально у монголов была знаком, которым обозначалось право собственности.

Развитие удельно-вотчинной системы в Северо-Восточной Руси показало генетическую связь ее как с древнерусской, так и с монгольской моделями власти и собственности. Но все же, рискуем утверждать, что решающее значение в формировании этой системы сыграла включенность северо-восточных земель в Монгольскую империю.

Симптоматично, что первое функциональное упоминание слова «пожаловал» в завещаниях (речь не идет о договорных грамотах, отличавшихся собственной традицией и спецификой оформления) великих и удельных князей фиксируется в духовной галицкого князя Юрия Дмитриевича: «А чем мя Бог пожаловал и царь (монгольский хан. — *А. Ю.*), Дмитровым, и с московскими волостми, и с селы, что было за братом за моим, за князем за Петром, чем его отец мой благословил»¹¹⁶. Любопытна сама история этого царского пожалования. В 1431 г. поехали в Орду Василий II Васильевич и его дядя Юрий Галицкий, чтобы решить вопрос о власти. Весной 1432 г. началось разбирательство княжеского спора. Московская сторона нашла убедительные аргументы: Василий Васильевич ищет не просто великого княжения, а «твоего улуса, по твоему цареву жалованью и по твоим девтерем и ярлыком»¹¹⁷. Соглашаясь на признание великого княжения «пожалованием», московская сторона, по понятиям того времени, признавала верховную власть монгольского хана над всей территорией Северо-Восточной Руси. Хану, конечно, было приятно услышать, что Василий Васильевич сидит «на твоём жалованье», неся службу «тебе, своему государю, волному царю». Но «жалованье» государя предусматривало целую систему взаимоотношений, и главное в них заключалось в том, что «земля» давалась верховным ее распорядителем, ханом, за верную службу.

Судебное разбирательство закончилось компромиссом: Василий Васильевич сохранял за собой великое княжение, Юрий Галицкий получал ярлык на княжение в Дмитрове, до этого принадлежавшем брату Юрия, Петру (умер в 1428 г.). Цена победы москвичей — обязательство платить «выход» за владение землями, находящимися в верховной власти монгольского хана. С освобождением от ордынской зависимости верховная власть на Руси «присвоила» себе это право «пожалования» как право распоряжения. Слово «пожаловал» является калькой тюркского слова «soyurgal» (от tsoyur[g]a)¹¹⁸. Термином этим в западных улусах

Монгольской империи, как считал Б. Я. Владимирцов, обозначалось «потомственное пользование» землей, которая принадлежала ханской семье .

* * *

Следует различать два варианта удельно-вотчинной системы: обычный и великокняжеский. Оба варианта генетически едины, но в способах реализации различны. «Удел» — часть любой вотчины (т. е. любого семейно-родового владения), но вместе с тем потенциально — и сама (новая) вотчина. Удельно-вотчинная система в обычном варианте была амбивалентна, ибо осуществлялась в процессе постоянного деления и консолидации. Великокняжеская система нацелена была на закрепление семейной собственности как государственной: в соответствии с этим обстоятельством осознавалось и понятие «отчины» великого князя как территории Русского государства. Генетическое единство двух этих вариантов проявлялось в системообразующей функции, обеспечивавшей целостность государственно-политического и экономического устройства. Отсюда понятно, почему владельцы княжеских вотчин до подчинения их великокняжеской власти пользовались в своих жалованных грамотах термином «пожаловал есмь» и почему с созданием единого государства им пришлось употреблять иную формулу — «дал есмь».

Таким образом, торжество великокняжеской власти заключалось в укреплении семейно-родовой собственности. В русском средневековом обществе, с его традиционализмом в социальных отношениях, не возникало (да и не могло возникнуть) идеи об отказе от этой формы собственности, тем более что «удел» отождествлялся с «благословлением», а «благословление», особенно в великокняжеской семье, играло важную роль в осознании прав на законное существование. Могла ли великокняжеская власть осуществлять осознанно «борьбу за ликвидацию удельной системы»? Сразу же возникает вопрос к вопросу: а какая удельная система имеется в виду? Та, что обычна для любого семейно-родового владения, или та, что представлена родовой собственностью великокняжеской семьи? Но могла ли верховная власть бороться сама с собой? В XVI в. в России не было даже зачатков майората, не говоря о том, что и в XVIII в. этот европейский порядок не утвердился, уступив натиску семейно-родовых отношений.

Обратим внимание на типологию политических конфликтов на Руси в XV в.: ссоры происходят в семье, в противоборство вступают чаще всего братья или венценосный племянник и дядя. Заметим также, что общность моделей власти и собственности в Монгольской империи и на Руси обусловила и общую тенденцию в политическом противоборстве: оно велось за права на власть и ее наследование: либо от отца к сыну, либо от брата к брату. Этот тип конфликтов был естествен для утвердившейся системы властвования. Г. А. Федоров-Давыдов писал: «При обострении феодальной борьбы претендентами на ханскую власть выступали, с одной стороны, сын умершего хана, а с другой — брат или кузен покойного...»¹²⁰. Победа «вертикального» типа наследования на Руси (после феодальной войны второй четверти XV в.) не сняла напряженности в сфере отношений между братьями великокняжеской семьи. Подобные конфликты внутри рода в самом деле могут навести на мысль об антиудельной борьбе великокняжеской власти, но, как мы видим, этой борьбы не было вообще.

Итак, специфика великокняжеской семейной собственности и характер конфликтов указывают на главную причину так называемого «конца» удельной системы. *Уделы существуют, пока существует великокняжеская царская семья — верховный распорядитель собственности. В конце XVI в. эта семья вымирает. Со смертью последнего ее представителя, Федора Ивановича (1598), перестает существовать семейная «отчина».*

Изучение удельно-вотчинных отношений заставляет задуматься и над проблемой феодализма в России. Ошибочно мнение Р. Г. Скрынникова, считающего, что «уделы» — это привилегированные владения феодального типа. Нет оснований

видеть в опричной политике царя Ивана IV проявление феодальной системы, для которой характерно было (особенно в Западной Европе) противоборство монарха с непокорными и относительно независимыми от центральной власти сеньорами — крупными земельными собственниками. Следует вновь обратиться к анализу того, что мы называем «феодальным иммунитетом» в средневековой России. Вне всякого сомнения, сама иммунитетная система существовала, но закрепляла правопорядок «по горизонтали» в условиях, когда земля передавалась верховной властью во владение на правах временного пользования («пожалования»). Иными словами, иммунитет, действуя «по горизонтали» (защищая пожалованные владения от покушений со стороны), не был да и не мог быть защитой в отношениях «по вертикали».

Другой «феодальный институт» — местничество — большинством ученых признается уникальным. Местничество как система «замещения должностей и служебного функционирования высших рангов служилого сословия в государстве — чинов государева двора»¹²¹ — имело смысл только в условиях существования наследственной монархии при утверждении верховной власти одной семьи. Местничество обретает уникальный смысл, когда в этой системе отношений побеждает право наследования от отца к сыну. Элементы местнических отношений можно обнаружить и в Монгольской империи в определенные периоды ее истории; в силу разных причин они не утвердились и не переросли в нечто большее.

Не хотелось бы делать поспешных выводов, но в одном, думается, нет сомнений. Современная европейская наука уже определила свое отношение к феодализму, смогла описать его и дать необходимые определения. В работах И. Страйера, Ф. Гансхофа и других ученых приводятся основные модели отношений власти и собственности применительно к европейскому феодализму в целом¹²². Эти модели кардинальным образом отличаются от того, что мы встречаем в русских источниках. Отечественная наука еще предстоит выработать свою терминологию, которая наиболее адекватно отвечала бы потребностям познания и описания средневековой России.

Примечания

¹ См., напр.: Алексеев Ю. Г. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы//Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 18. 1987. С. 93—110.

² Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Изд. 5. Пб., 1919. С. 90.

³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси//Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 30—43.

⁴ Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси//Исторические записки. Т. 22. 1947. С. 122.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ З и м и н А. А. Россия на пороге нового времени: Очерки политической истории первой трети XVI в. М., 1972. С. 402, 403.

⁸ Каштанов С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного//История СССР. 1963. № 2. С. 116—117.

⁹ З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 477.

¹⁰ Скрынников Р. Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси//Исторические записки. Т. 76. 1965. С. 153.

¹¹ Там же. С. 155.

¹² Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 478.

¹³ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 156.

¹⁴ Юрганов А. Л. О дате написания завещания Ивана Грозного//Отечественная история. 1993. №6. С. 125—141.

¹⁵ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 73.

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л. 1950 (далее — ДДГ). С. 427—428.

¹⁷ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI—XVIII столетиях. Т. 1. СПб., 1893. С. 549—550.

¹⁸ Чумиков Д. Осада Ревеля (1570—1571) герцогом Магнусом//ЧОИДР. 1891. Кн. 2. С. 46. Более подробно о судьбе земельных владений герцога Магнуса см.: Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 129—133.

¹⁹ Юрганов А. Л. Указ. соч. С. 126.

- ²⁰ Беликов В. Ю., Кольчева Е. И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. Вып. 2. 1992. С. 93—121; Юрганов А. Л. О Стародубском «уделе» М. И. Воротынского и стародубских вотчинных в завещании Ивана Грозного // Там же. С. 34—70.
- ²¹ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 192.
- ²² Юрганов А. Л. О Стародубском «уделе»... С. 69.
- ²³ Барсуков А. П. Род Шереметевых. СПб., 1888. Кн. 3. С. 315—316.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1906. С. 398; Скрынников Р. Г. Опричина... С. 171; Зимин А. А. Иван Грозный и Семион Бекбулатович в 1575 г. // Из истории Татарии. Казань, 1970. С. 149.
- ²⁵ Скрынников Р. Г. Опричина... С. 171; ДДГ. С. 422—423.
- ²⁶ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 86.
- ²⁷ Разрядная книга. 1475—1598 гг. М., 1966 (далее — РК). С. 241.
- ²⁸ Там же. С. 248, 258.
- ²⁹ Древняя российская Вивлиофика. Ч. XIII. М., 1790. С. 127—137.
- ³⁰ Вельяминов-Зернов В. В. Указ. соч. С. 40—41.
- ³¹ Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачова. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872. С. 439.
- ³² Веселовский С. Б. Последние уделы... С. 118.
- ³³ РК. С. 70.
- ³⁴ Веселовский С. Б. Последние уделы... С. 118.
- ³⁵ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605). СПб., 1992. С. 160—161.
- ³⁶ Веселовский С. Б. Последние уделы... С. 118. Ирина Александровна, первая жена И. Ф. Мстиславского, умерла в 1566 г. (Веселовский С. Б. Исследования по истории опричины. М., 1963. С. 294).
- ³⁷ РК. С. 111.
- ³⁸ Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. С. 110—112.
- ³⁹ Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 201.
- ⁴⁰ Писцовые книги... Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877. С. 290.
- ⁴¹ Павлов А. П. Указ. соч. С. 161.
- ⁴² Акты московского Симонова монастыря... С. 111.
- ⁴³ Павлов А. П. Указ. соч. С. 161.
- ⁴⁴ Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. С. 63—64.
- ⁴⁵ Павлов А. П. Указ. соч. С. 33; Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI в. // Труды МГИАИ. Т. 28. 1970. С. 328.
- ⁴⁶ Павлов А. П. Указ. соч. С. 65.
- ⁴⁷ Сухотин Л. М. Земельные пожалования при царе Владиславе. 1610—1611 гг. // Смутное время Московского государства. 1604—1613 гг. Вып. 8. М., 1911. С. 56—57; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. (далее — АФЗХ). Ч. III. М., 1961. С. 23.
- ⁴⁸ РГАДА, ф. 281, Переяславль, № 9009.
- ⁴⁹ РГБ ОР, ф. 303, № 284 (купчая М. В. Глинского); № 533, л. 697—697 об., 681—682, 712 об.— 713, 712.
- ⁵⁰ РГАДА, ф. 281, Переяславль, № 8887, 8889.
- ⁵¹ РГБ ОР, ф. 303, № 342 (купчая М. В. Глинского); № 533, л. 714—715. ⁵² РГАДА, ф. 281, Переяславль, № 8898, 8902.
- ⁵³ РГБ ОР, ф. 303, № 530, Москва, № 137, л. 140—140 об. 158—158 об.; Рознь, № 27, л. 1416 об.— 1417.
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 456—457; Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 208.
- ⁵⁵ К. Тихонравов, публикуя материалы о лицах, погребенных в суздальском Покровском девичьем монастыре, считал, что здесь была захоронена «княгиня инокия Александра, супруга царевича и великого князя Иоанна Иоанновича» (Тихонравов К. Материалы для истории и археологии. Лица, погребенные в Суздальском Покровском девичьем монастыре // Владимирские губернские ведомости. 1854. № 23. С. 96). Думается, это — ошибка. В самом деле, именно в Покровском девичьем монастыре была пострижена супруга царевича, в миру Евдокия Богдановна Сабурова. По крайней мере до 1597 г. инокия Александра находилась там, ибо сохранилась опись этого девичьего монастыря, относящаяся к марту 7105 г.: «...келья царевича князя Ивана Ивановича царицы старицы Александры...» (Его же. Опись Суздальского Покровского девичьего монастыря // Там же. С. 176—177). Умерла она около 1620 г., возможно, даже в том же монастыре, где и была пострижена. Но вот похоронили ее в другом монастыре — в московском Вознесенском «со царицами вместе» (ПСРЛ. Т. 14. СПб., 1910. С. 397). В сообщении Нового летописца о ее смерти не случайно говорилось «о преставлении царя и царицы Александры». Между тем В. В. Касаткину было известно, что в надгробной надписи были такие слова — «княгини Александры удельной Полоцких» (Касаткин В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии до начала XIX столетия. Владимир. 1906. С. 226; Николай Михайлович, великий князь. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М., 1914. С. 16). Нетрудно догадаться, что речь идет о семействе князей Палецких. Да и определение княгини как «удельной» не подходит для «царицы» Александры, бывшей жены Ивана Ивановича. В «Росписи благоверным царицам и царевнам и великим княгиням, которые погребены в его государеве богомолье в Суждале в Покровском девичьем монастыре...», относящейся к XVII в., указывается, что после Софьи (Соломонии) Сабуровой и А. Г. Васильчиков-

вой была захоронена «великая княгиня Александра удельная» (Государственный архив Владимирской области, ф. 575, оп. 1, № 92). Поскольку могила Ульяны Палецкой находится в одной линии и следует сразу после захоронения А. Г. Васильчиковой, можно предполагать, что смерть ее произошла не раньше марта 1579 г., когда царь Иван Грозный обратился к завещанию и упомянул в нем свою пятую жену (Ю р г а н о в А. Л. О дате написания завещания Ивана Грозного. С. 133—136),

⁵⁶ З и м и н А. А. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Вып. III. М., 1978. С. 461.

⁵⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 283.

⁵⁸ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 210. Устюжной в свое время владела Соломония Сабурова (З и м и н А. А. Россия на пороге нового времени. С. 401).

⁵⁹ Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 196.

⁶⁰ Зимин А. А. Государственный архив... Вып. III. С. 461—462.

⁶¹ ДДГ. С. 441.

⁶² РК. С. 169; Левенок В. П. Надгробия князей Трубецких//Советская археология. 1960. № 1. С. 245—253; Трубецкая Е. Э. Сказания о роде князей Трубецких. М., 1891.

⁶³ Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного//Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 79.

⁶⁴ РК. С. 261, 277, 293; П а в л о в А. П. Указ. соч. С. 33.

⁶⁵ П а в л о в А. П. Указ. соч. С. 100.

⁶⁶ К о б р и н В. Б. Указ. соч. С. 79.

⁶⁷ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 10.

⁶⁸ Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе как исторический источник//Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 34—35.

⁶⁹ М. Г. Рогинский писал: «Таубе и Крузе рассказывают, как Иван Грозный разделил всю страну на две части, опричнину и земщину, и завещал первую своему младшему сыну, а вторую старшему. Насколько общеизвестна и общепринята правильность первого, настолько же одиноко второе. У нас нет никаких свидетельств, подтверждающих это указание» (Там же. С. 15—16).

⁷⁰ З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 310.

⁷¹ РГАДА, ф. 1487, оп. 1, д. 4; Ю р г а н о в А. Л. О Стародубском «уделе» М. И. Воротынского. С. 68.

⁷² Кобрин В. Б. Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI века и процесс централизации//История СССР. 1981. № 4. С. 34—35.

⁷³ Рогинский М. Г. Указ. соч. С. 36.

⁷⁴ Веселовский С. Б. Учреждение Опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.//Вопросы истории. 1946. № 1. С. 91.

⁷⁵ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 189.

⁷⁶ З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 323.

⁷⁷ Г о т ь е Ю. Замосковский край в XVII веке. М., 1937. С. 385—386.

⁷⁸ К о б р и н В. Б. Землевладельческие права княжат... С. 36.

⁷⁹ П л а т о н о в С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 108, 114.

⁸⁰ С у х о т и н Л. М. К вопросу об опричнине//ЖМНП. 1911. Ноябрь. С. 63.

⁸¹ Веселовский С. Б. Учреждение Опричного двора... С. 91.

⁸² С а д и к о в П. А. Указ. соч. С. 189.

⁸³ К о б р и н В. Б. К вопросу о времени включения в опричнину Ярославского уезда//Краеведческие записки гос. Ярославо-Ростовского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Вып. 4. Ярославль, 1960. С. 94—97.

⁸⁴ З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 319. Ср.: Скрынников Р. Г. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г.//Исторические записки. Т. 70. 1961. С. 223—250.

⁸⁵ З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 320—321.

⁸⁶ А н х и м ю к Ю. В. К вопросу о времени взятия в опричнину Ростова и Ярославля//Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. С. 22—25; его же. Записки летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания — новый источник по истории опричнины//Архив русской истории. Вып. 2. С. 121—129.

⁸⁷ З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 310.

⁸⁸ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 371.

⁸⁹ РНБ ОР, ф. 550. Ф. IV. 409, л. 196 об.

⁹⁰ Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей. СПб., 1901. С. 23.

⁹¹ В 1499 г. князя Семен Иванович Стародубский (в духовной ошибочно — Василий) и Василий Иванович Шемячич Новгород-Северский перешли на службу к Ивану III.

⁹² ДДГ. С. 196, 122.

⁹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 117; З и м и н А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 120.

⁹⁴ ДДГ. С. 7, 13, 15, 34, 196, 358, 440.

⁹⁵ Там же. С. 58, 60.

⁹⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841. № 46. С. 211; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 273; Горский А. Историческое описание Троице-Сергиевой лавры. М., 1897. С. 84.

- ⁹⁷ РГБ ОР, ф. 303, кн. 530, № 195, л. 283—294 об.; И в и н а Л. И. Троицкий сборник по истории землевладения Русского государства XVI—XVII вв./Записки отдела рукописей [ГБЛ]. Вып. 27. 1965. С. 149—163; РК. С. 10; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 239—240.
- ⁹⁸ Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975. № 223, 286; РГБ ОР, ф. 303, № 520, л. 137 —139 об.
- ⁹⁹ РК. С. 106, 120; ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 261; Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии. Вып. 4/ЧОИДР. 1917. Кн. 2. С. 558—560.
- ¹⁰⁰ РК. С. 89.
- ¹⁰¹ З и м и н А. А. Формирование боярской аристократии... С. 241.
- ¹⁰² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952. С. 262; РГБ ОР, ф. 303, № 530, л. 210—227.
- ¹⁰³ З и м и н А. А. Формирование боярской аристократии... С. 239; РГБ ОР, ф. 303, кн. 530, № 195, л. 283—294 об.; Родословная книга князей и дворян. Т. 1. М., 1787. С. 266.
- ¹⁰⁴ Л и х а ч е в Н. П. Указ. соч. С. 13—18; РГБ ОР, ф. 303, кн. 530, № 25, л. 47 об.; № 3, л. 1026 об.— 1027.
- ¹⁰⁵ ДДГ. С. 358—359.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 359.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 197.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 10.
- ¹⁰⁹ Пресняков А. Е. Княжое право Древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий//П р е с н я к о в А. Е. Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 33.
- ¹¹⁰ Там же. С. 35—36.
- ¹¹¹ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 145—146.
- ¹¹² В. В. Трепавлов уточнил, что такое род: «Вся держава, созданная в ходе войн, рассматривалась как сфера управления одной единственной ветви рода борджигинов» (Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М., 1993. С. 103).
- ¹¹³ Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 54.
- ¹¹⁴ Там же. С. 89—90.
- ¹¹⁵ Там же. С. 90.
- ¹¹⁶ ДДГ. С. 74.
- ¹¹⁷ З и м и н А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV века. М., 1991. С. 46. ¹¹⁸ G o l d e n P. Turkic Caiques in Medieval Eastern Slavic//Turks, Hungarians and Kipchaks. Vol. 8. Harvard, 1984. P. 109—110. Выражаю признательность И. Г. Добродомову, обратившему мое внимание на эту работу.
- ¹¹⁹ Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 115. См. также: Петрушевский И. П. К истории института сойургала//Советское востоковедение. Т. 6. М.; Л., 1949. С. 227—246. ¹²⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 69.
- ¹²¹ Э с к и н Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 5.
- ¹²² S t g a u e r J. R. Feudalism in Western Europe//The Middle Ages. Readings in Medieval History. Vol. 2. N. Y., 1970. P. 55—65; P a i n t e r S. The Family and Feudal System in Twelfth Century in England//Ibid. P. 66—83; Herlihy D. Feudalism: Meanings and Methodologies//Ibid. P. 81—95; Ganshof F. L. Feudalism. L., 1974 и др.